

Иль Бадмо II

А. А. ОСТУЖЕВ

Пятьдесят лет тому назад театральную школу при Московском Малом театре окончил ученик Пожаров.

Он был родом из Воронежа, из рабочей семьи. Смазчик, спецник, кочегар, помощник машиниста, наконец машинист и обер-кондуктор товарного поезда: вот трудовой путь; трудовой путь по которому шел отец Пожарова. На этом пути он хотел видеть и своего сына. Александр Пожаров обучался в железнодорожном техническом училище и служил чертежником в конторе материальной службы железной дороги. Не влекло его к театру. У него был прекрасный голос, отличная фигура, выразительное лицо, и страстная любовь к театру. Еще в детстве он читал Шекспира и внушая наизусть роль Отелло. Он мечтал играть на сцене и потрясти зрителя страданиями благородного "венецианского Мавра". Однажды Пожаров выступая в любительских спектаклях и проводил вечера в Воронежском театре. Ему открыт был ход за кулисы. Случалось, ему говорить: «^{Сам!} Пошли в костюмерную, надень костюм, и выходи на сцену статистом в труппе.» Случалось, ему выпадало счастье - играть небольшие роли.

В 1895 году в Воронеже шли гастролы известного актера Малого театра - А.И. Джина. В драме Гюго "Эрнани" одну из маленьких ролей пришлось играть Пожарову.

В немногих словах, которые пришлось ^{ему} произнести на сцене, играя с гастролером, была такая красота звука, такая искренность выражения, такая сила темперамента, что Джин пожелал познакомиться с застенчивым любителем - чертежником.

"Я нашел в Воронеже сокровище, - писал Джин драматургу Гнедичу, - в которое я верю, как в крупную будущую силу, и смело в первый раз беру на себя ответственность за всю его жизнь, извлекая его из службы при юго-восточных дорогах на сцену... Он двадцати одного года, красавец... Он умеет чем-то неуловимым заставить слушать себя, глядеть на себя и ценить каждый звук его вибрирующего не-поддельным чувством голоса, каждый взгляд чудных, глубоких серых глаз".

Джин вывел Пожарова в Москву и помог ему поступить в Московскую театральную школу. Там Пожаров стал любимым учеником великого ~~актера~~ артиста и режиссера - А. П. Ленского.

Покаров блестяще окончил училище. На экзаменационных спектаклях он с огромным успехом выступил в ролях Ладова ("Доходное место") и Незнамова ("Без вины виноватые"), и прямо со школьной сцены был принят в Малый театр.

- Под какой фамилией будете вы выступать? - спросили его при зачислении в труппу.

- Моя фамилия - Покаров.

- Под ней нельзя выступать. На первом же спектакле публика станет вас визвать, но вместо: "Покаров! Покаров!" в зрительном зале послышится "Покар! Покар!" все бросится ^К ~~к~~ ^{выходу} ~~сцены~~, и может произойти катастрофа. Вам необходимо взять для сцены другую фамилию.

- Так пусть я буду не Покаров, а Остужев.

Фамилия была заимствована от одного из действующих лиц пьесы Дюма "Джентльмен".

В первый же сезон (1898 - 1899) Остужев сыграл с большим успехом ряд видных ролей: Незнамова, Количова ("Василиса Милентьевна"), Альбера ("Скупой рыцарь"), графа Альмавиву ("Кенитьба Фигаро").

Первым большим общепризнанным, успехом было выступление Остужева в Малом театре в роли Ромео в трагедии Шекспира (1900 года).

На русской сцене не было Ромео ^{вней}, нежней и обаятельней, чем Ромео - Остужев. Молодой артист с ^{вним} счастливым трепетом первой любви и со светлой печалью передавал повесть, которой "печальной не было на свете".

Остужеву выпало счастье играть ^{роль} Кассио в том спектакле "Отелло", в котором великий Томазо Сальвини играл Отелло. На одной из репетиций шекспировской трагедии, когда, по словам Остужева, "буря и молния вривалась в театр", Сальвини остановил потрясенного его игрой молодого русского актера ласковыми словами: "У вас прекрасный голос. Учитесь ли вы пению?"

Сальвини верно отметил одну из драгоценнейших особенностей дарования Остужева: необыкновенную вокальную красоту, тончайшую музыкальность его исполнения. Остужев - увлекательный художник слова. На сцене - он поэт: стихотворения ^{речи} Пушкина, Шекспира, Шиллера в его устах звучат ^{живой} музыкой - и в то же время захватывает своей глубокой искренностью, - покоряет своей благородной правдивостью. Вот отчего страстные признания Ромео, ~~самолюбивые монологи Карла Моора ("Разбойники")~~, мудрые философские размышления Урнэля Акести, - когда они передаются Остужевым, - подчиняют себе и чувство, и мысль зрителя.

Этот зритель - молодой и старый - одинаково чувствовал у Остужева, его "речей" уверенность и сладость (выражения Пушкина).

Остужев много играл в драмах Шиллера. Этот поэт буря и нахлест, провозглашавший в своих драмах идеи братства и свободы был близок Остужеву неуведомленной молодостью своих чувств, высокой человечностью своих идей. Остужев создал увлекательные образы патного и страстного Мортимера ("Мария Стюарт"), свободного духом и честного сердцем Фердинанда ("Коварство и любовь"), ненавистника тиранов Карла Моора. Трагедия Шиллера "Разбойники" с Остужевым в этой роли с большим успехом шла в филаргале Малого театра, на рабочей окраине: монологи Карла Моора, призывавшие на борьбу "с тиранами", находили горячий отклик у революционных зрителей.

В русском репертуаре самыми любимыми и самыми удачными ролями Остужева были те, в которых были яркие и сильные мотивы борьбы с жизнью ^{нно} кривдой за освобождение человека, за его право на счастье и свободу.

В роли Жадова, в комедии Островского и "Доходное место", Остужев захватывал искренностью гражданских чувств этого юности, почувствующего полное омерзение к черной несправде старой царской России, ^{ее} продажных судов и крепостной неволе. В слова и речи Жадова Остужев умел вложить свои собственные чувства и мысли, резко отрицательные по отношению к царскому режиму. Жадов Остужева захватывал искренностью своего порыва к новой жизни, силой своей веры в то, что этой новой жизни принадлежит будущее.

Роль Незнамова в пьесе Островского "Без вины виноватые" Остужеву пришлось ^и сыграть в спектакле, где артистку Кручинину, мать Незнамова, играла Ермолова. Не легко было играть вместе с великой артисткой, которая ^м раскрывала в пьесе Островского трагедию матери ^{высочайше} ~~материализма~~ ^{потерявшей и обретшей сына.} в либеральной среде классового общества. Не легко было одним быть такой матерью: малейшая ложь, микроскопическая сальва в партнере мгновенно выла бы наружу при первом соприкосновении с прекрасной простотой и правдой Ермоловой. Но "сын" был достоин своей матери. Остужев умел показать, что под личиной грубоватости и внешней распущенности ^{материализма} Незнамово таится источник живой сердечности, душевной чистоты, глубокой любви и искусства. Этот Незнамов-талантливый актер - старомодный, смелый на правду человек, - был подлинный сын

мг. Кручинин, в образе Кетчер Остужевский не казался

большой души, артистку - просветительницу.

Сколько ~~и~~ играла Ермолова спектаклей "Без вины виноватые" в до-советскую пору и в эпоху революции, она всегда играла Кручинину с Незнамовым - Остужевым.

- Он настоящий мой сын в этой роли, ^{Говорила} великая артистка.

И в этих словах была большая правда: в Остужеве было много той чистой ~~души~~ искренности, той высшей правды и героической силы, которые свойственны самой Ермоловой.

В драме Г. Ибсена "Призраки" Ермолова играла фру Альвинг, Остужев - Освальда, ее сына, и вряд ли в европейском театре сильнее и правдивее передавалась эта горькая трагедия материализма в буржуазном обществе, чем передавали ее эти русские артисты, в Московском Малом театре.

Лучшая продолжательница заветов Мочалова в русском театре, Ермолова чувствовала Остужева родственником себе художником высокой трагической правды - и любила играть с ним, предпочитая его всем молодым актерам.

Высшие создания Остужева, в которых с особой полнотой проявилось его огромное дарование, относятся к Советской эпохе, к Великой Октябрьской Социалистической Революции.

"Прежде, в до-революционные годы", - говорит Остужев, - мне пришлось сыграть немало героических ролей, и я должен был искать мотивов героизма в прошлом, извлекать их из книг, из давних преданий. Это было трудно - и не всегда удавалось передать это в образах. Сейчас я ощущаю человеческий героизм как бы разлитым в нагдух воздухе, которым дышу. Обыкновенные люди, имен которых никто даже не помнит, - значительней, весомей, героичней в своем поведении, чем многие герои играниых мною драм и трагедий".

В этих одуховленных и искренних словах Остужев прекрасно выразил связь своего героического искусства с великой героической эпохой Октябрьской революции.

Именно оттого, что Остужев чуток к героическому дыханию нашей современности, он в советскую эпоху свои лучшие героические образы - Отелло и Урилла Акосту.

"Отелло не ревнив, он - доверчив". Эту мысль Пушкина Остужев превратил в живую достоверность характера Отелло: у Отелло большое человеческое сердце, открытое для дружбы и любви, чуждое зависти, вражды и ^{любви} ~~любви~~. Это - сердце, чистое как у ребенка, - и в то же время это - сердце мужественного человека, непоколебимого во всех испытаниях трудом и страданием, это - сердце героя.

Остужев - с первой встречи с Отелло - заставляет верить в высоту его человеческой природы, в непреклонность его мужественной доблести, в человечность его героизма.

Но этот храбрый воин, мудрый вождь, победоносный герой - бесконечно одинок.

"Ведь для венецианцев-аристократов,- говорил Остужев,- мавр Отелло - черная собака, стерегущая богатый венецианский дом и склад товаров".

Когда Отелло узнает, что Дездемона любит его, он приобретает в этой любви женщины - и дружбу верного друга, и преданность близкого человека, и верность спутника по тернистой дороге жизни. Отелло обретает новую веру и человечество, поверив в правду, чистоту, любовь одного человека, - Дездемону.

Но когда, благодаря подлым наветам Яго, Отелло лишается этой веры в прекрасную человечность Дездемону, она становится в его глазах преступницей: изменив ему, она убила в нем веру

в человека, она разрушила его уверенность в том, что правда - не вымысел, чистота и преданность - не сказка. В сцене смерти Дездемона Остужев отверг все мотивы, которые вносились сюда предшествующими исполнителями: тут нет, по Остужеву, ни бешеной чувственности, ни безумно вспыхнувшей ревности, ни жестокой мести, тут нет и исполнения судебного приговора, внесенного самим обвинителем-пострадавшим. Убивая Дездемону, Отелло с невыразимой горестью хоронит свою мечту о совершенном человеке. Он убивает ее сквозь слезы: убивая Дездемону, он убивает самого себя: похоронив единственного человека, встреченного им в жизни, он не останется жить: ему ничем дышать без Дездемоны. Убийство Дездемоны - это самоубийство Отелло, одинокого героя, обманутого жизнью и оскорбленного в своей вере в человека.

И, когда, в самом конце трагедии, Отелло убеждается, что Дездемона невинна, нет предела его гневу на того, кто оклеветал ее, и нет меры его презрения к себе, который внял этой клевете. Но умирает Отелло с возрожденной мечтой: есть человек на земле, есть человеческое в человеке.

Образ Отелло исполнен у Остужева высокой гуманистической красоты и романтического обаяния.

После премьеры "Отелло" Остужев был вызван 37 раз. Это был настоящий триумф артиста, сумевшего по-новому воплотить шекспировский образ, бывший в репертуаре всех мировых трагиков.

Образ Отелло, созданный Остужевым, это - богатый вклад актера в сокровищницу мирового театра.

После "Отелло" (1935) Остужев, в спектакле в память 100-летия со дня смерти Пушкина (1937), создал образ Старого барона в "Скупом рыцаре". Это был не просто скупец, скряга, предающийся своему пороку, это был, в исполнении Остужева, именно блпак

похираемый неистовой страстью, и страсть старого барона в деньгах была страстью к власти над людьми: "Мне все послушно, я же - ничему." - эти слова старого барона звучали у Остужева со злой зловещей гордыней; со ~~этой~~ силой, враждебной человеку, похвалялся ^{скупой хищник} старый барон, озирая свое золото:

Что не подвластно мне? как некий демон

Отсюда править миром я могу.

Это был хиткий, страшный, по-истине трагический образ.

И каким контрастом ему явился следующий образ, созданный Остужевым: Уриэль Акоста в пьесе Карла Гукера того же названия (1940).

В своей пьесе этот драматург изобразил трагедию жизни исторического лица - философа-материалиста Уриэля Акоста. Родом еврей, он был провозвестником новой мысли, отвергающей сухую схоластику старого вероучения; Акосте пришлось много потерпеть от своих врагов, сторонников ветхого вероучения.

У весьма многих исполнителей, центром всей драмы была любовь Уриэля к Юдифи и ее трагический исход.

Остужев с молодой страстью передавал глубокую и чистую любовь Уриэля к Юдифи. Но с несравненно большей силой передавал он другую, сильнейшую любовь Акоста - его непобедимую любовь к Истине, - к той Истине, которая открывает перед человеком возможность нового взгляда на мир. Это - воинствующая истина: она не может уживаться рядом с оветцалой полу-истиной прежних веков, и Акоста - не тихий хранитель старой мудрости, это - воинствующий мыслитель, это - борец за новую правду.

Ради любви к престарелой, слепой матери, ради страсти к Юдифи, Уриэль поколебался было, в своей борьбе за новую правду, ^{он} же готов был на отречение от нее, требуемое блюстителями ветхого закона сингагоги, - но это был только миф слабости.

С неслыханной силой Остужев передавал, в спене в синагоге, - и это минутное "отречение" Акоста, и ^{это} его бурное, гневное отречение от этого "отречения". Чувства преданности семье, сиюминутного повиновения - к матери, нежной страсти к Юдифи, - все побеждено, все приглушено высшей, стократ сильнейшей любовью - Истине. Акоста обретает в себе новые силы на борьбу, он освобождает в себе ^{все} новые силы разума, сердца, воли, способные бороться с ветхими законами, сковывшими своими оковами разум человеческий. Со вдохновенным призывом провозглашает Акоста-Остужев:

На волю, мой язык!

Воспринь, мой ум, и, как Самсон пред смертью,

С отчаянным усиьем разорви

Позорные оковы!...

^{Акоста} Он их и разрывает навсегда - в своем сердце и разуме.

Отныне, вплоть до смертного конца, он будет не только глашатаем новой правды, но и борцом за нее до последнего дыхания. Он и умрет с верой в ее конечную победу в человечестве.

"Свою роль, - писали "Известия", - "Остужев ведет от стояка к пророку, от пророка - обличителя к всепрощающему апостолу, и от апостола - к земному человеку - борцу, понявшему всю тщетность личного счастья, купленного ценою отказа от выстраданных убеждений. В торжестве человечности - вершина и финал борьбы Акоста-Остужева. Эта человечность покоряет зал и дает вдохновенную мощь спектаклю, подобного которому давно не было".

^{полузабытой} Успех Остужева в драме "Уриэль Акоста" был огромен. В старой трагедии он внес новый образ, близкий советскому зрителю: образ борца за новую истину. В созданный им образ он вложил могучее, молодое дыхание великой советской современности.

"Второй Мочалов!" - восклицали про Остужева на спектакле "Уриэль Акоста", вспоминая величайшего из русских трагиков, кото-

рый потрясал своей игрою Лермонтова и Белинского.

Уриэль Акоста явился высшим созданием героического искусства Остужева, но, к сожалению, и последним его созданием. Тяжелая сердечная болезнь не позволяет артисту выступать на сцене.

Вызывая вношу Пожарова в Москву, для поступления в Театральное училище, Кжин предупредил его: "Сцена требует, кроме таланта, от актёра всех его сил, всего труда, сознательного и серьезного, на который он способен... Если вы готовы отдать ей всю душу и все силы, не ожидая скорого и легкого успеха, работать всю жизнь, не покладая рук, и искать возможного совершенства в своей работе, - идите".

Эти слова, обращенные к чертежнику Пожарову, полностью воплотил в жизнь актер Остужев.

За пятьдесят лет сценической деятельности Остужев сыграл несколько сот ролей в пьесах Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Островского, Шекспира, Шиллера, Шеридана, Ибсена и других. В театре, в труд и подвиг актёра, Остужев вложил всю свою жизнь, отдал все силы, вложил всю душу.

Орден Ленина; Сталинская премия первого разряда; звание "народного артиста СССР" - вот те высокие отзывы, в которых правительство, партия и советская общественность выразили свое признание героического искусства Александра Алексеевича Остужева.

Наследник Мочалова, ученик Ленского, партнер по сцене Ермоловой, Остужев, в своем искусстве является лучшим выразителем высоких заветов русского театра: - его борьба за правду и свободу в искусстве и в жизни.

С. Дурманов